

РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ. ДЕЛОВИТОСТЬ. МЕЧТА.

Любопытный разговор состоялся однажды у Горького с Михаилом Вилоновым, замечательным революционером, верным ленинцем. Одобительно отозвавшись о книгах Горького, Вилонов очень сдержанно и даже с досадой высказался о поэме «Человек». «Зачем это возитесь вы с каким-то человеком, пишете его с большой буквы даже? А эту штуку «Человек» в тюрьме читал, досадно было».

Странно, не правда ли? Революционеру не нравится произведение, революционное по своему характеру, патетически прославляющее безграничные возможности человека!

В чем же дело?

В таких романтических произведениях, как «Песня о Буревестнике», Горький чрезвычайно сильно выразил социальную психологию передовых общественных сил, их решимость разрушать систему насилия и эксплуатации. Неслучайно подобные вещи имели совершенно исключительное значение в пропаганде революционных идей.

Однако аллегорический образ по природе своей условен и может отразить лишь некоторые стороны порождающего его жизненного явления. Образы Сокола, Буревестника символизировали порыв, бесстрашие, бескомпромиссность, готовность умереть за великое дело. И в этом была их огромная сила.

Но «революционность» — воистину одно из самых богатых по своему содержанию, одно из самых многомерных понятий. И по мере развития исторического процесса жизнь требовала более всестороннего раскрытия того, что же еще включает понятие «подлинная революционность».

Когда Вилонов критиковал «Человека», он, естественно, был недоволен известной абстрактностью, романтической отвлеченностью образа. Человек шел вперед и выше... Сокол рвался в небо... Но это не

снимало задачи разобраться во всем прозаическом неблагополучии, имевшем место на грешной земле.

Горький прошел долгий, изумительно богатый по внутреннему содержанию путь. Было бы в высшей степени наивно рассматривать его творчество вне движения, вне изменений, вне внутренней полемики с самим собой. Наши оппоненты за рубежом пытаются изобразить творчество Горького с момента его связи с большевиками как нечто закостеневшее, неспособное уловить веяния времени. Все это — не более чем мелкотравчатые измышления об огромном художнике.

Творчество основоположника социалистического реализма — это пример удивительного созвучия искусства главным социальным-историческим процессам, происходящим в действительности.

В XX веке в ногу с социальной революцией шагала революция научно-техническая: идеи Альберта Эйнштейна в корне изменили человеческие представления о вселенной.

В литературе нашего столетия с наибольшей очевидностью понял величайшее преобразующее значение научной мысли, «рацио» в жизни человека, силы ее трезвого, холодного, математически безошибочного анализа? Горький, которому тяготы жизни не позволили закончить даже трехклассного «Свободского Кунавинского училища», Горький, приобретавший знания самоучкой. Как небезосновательно замечает один хорошо знавший Горького ученый, — еще вопрос, что больше любил и выше ставил писатель — искусство или науку. Наука для Горького никогда не являлась чем-то узко «специальным».

В его представлении она была прежде всего средством, помогавшим возможно более разумно и целесообразно организовать весь строй русской жизни.

Прежде всего наука утверж-

дает, что в деятельности любой системы, будь то общество или человеческий организм, должна быть своя ритмическая упорядоченность, систематичность (все мы знаем, сколь вредны для производства конвульсивные переходы от застоя к штормовщине).

Интересно в этом смысле взглянуть на отношение Горького к одному из своеобразнейших созданий русской литературы — к образу ветлужского перевозчика Тюлина из очерка В. Короленко «Река играет». Обычно сонный, пассивный Тюлин буквально преображается в минуту опасности и умело борется с разбухшей рекой. Но «критическая минута, когда Тюлин был на высоте своего признанного перевозческого таланта, миновала, и искра в глазах Тюлина угасла вместе с опасностью».

И напрасно кличут его с другого берега. Он не слышит или делает вид, что не слышит. Ему лень, авось и так обойдется, и трещит голова его с великого похмелья... А ведь людям-то надо ехать!

Горький много раз говорил, что он считает Тюлина в высшей степени характерным порождением русской жизни. В его героизме, бесспорно, есть даже своя поэзия. Но Тюлины — это всего лишь герои на час.

До революции Россия была страной, опутанной сетями патриархальных отношений. В очерке о Ленине Горький писал: «Перед ним стояла грандиозная работа: овладеть анархизмом деревни, культивировать волю мужика, научить его разумно работать, преобразовать его хозяйство и всем этим быстро двинуть страну вперед...»

Научить разумно работать... Эта задача возникла для России, свершившей революцию, как первоочередная задача огромного масштаба.

Энтузиазм масс, особенно в первое время после революции, был безграничным. Но кон-

кретных представлений, как строить новое, еще не хватало. И вот как раз в это время, в мае 1921 года, один инженер обратился с докладной запиской в правительство, он писал: «Нужно раз навсегда перестать строить что-нибудь на энтузиазме и героизме: люди не могут годами пребывать в состоянии экстазического подъема, и заставить их работать может только экономическая необходимость». Вероятно, заключенная в этих словах мысль изложена с излишней заостренностью. В годы ожесточенной классовой борьбы в них можно было даже усмотреть настроения «контры». К счастью, записка попала к Ленину. Он подчеркнул в ней приведенные слова и на полях написал: «Верно».

Кто не знает, что Ленин — величайший революционер, оперировавший эпохальными величинами. Но Ленин — и трезвый практик, неустанно призывавший самым тщательным образом изучать конкретный опыт на местах, факты новой жизни. И, — учил Ленин, — поменьше пустопорожней политической трескотни!

На тему «Ленин и Горький» написано большое количество работ. И все же очень часто мы идем по пути цитирования взаимных оценок и их комментирования вместо того, чтобы представить, какую конкретно роль сыграли на разных этапах ленинские идеи в формировании горьковского художественного мышления.

Осмысление сложной природы настоящей революционности давалось Горькому ценой долгих размышлений и трудных поисков. Еще бы! Ведь он имел дело с воистину невиданным в мировой истории человеческим материалом!

Перерабатывая в 1930 году свой очерк о Ленине, он спял совсем не место, где Ленин сравнивался с героем легенды, который вырвал из груди сердце, чтоб осветить путь людям. И дело не только в том, что

подобное романтическое приподнимание выглядело бы довольно резким диссонансом к той человеческой простоте, без которой Ленин немислим. Есть еще и другая причина. Данко — символ поэтического порыва. Но в 1930 году Горькому было ясно, что практическая расчетливость не только не враждебна по своей природе поэтической устремленности в завтра (если речь идет о настоящих революционерах), но является как раз условием осуществления в жизни возвышенной мечты.

Практичность, расчет, деловитость... Все эти слова до сих пор кажутся многим не слишком привлекательными. Но время с неизбежностью заставляет пересматривать отношение к этим понятиям. И опять Ленин для Горького — и для нас сегодня — пример величайшего новаторства в самых, казалось бы, тонких и деликатных сферах человеческих взаимоотношений.

Кто не знает, сколь трогательно заботился Ленин о здоровье Горького? В этом проявлялась ленинская сердечность, товарищеская чуткость и доброта. Но Ленин не скрывал, а прямо подчеркивал, что личное здоровье — это в то же время, условно говоря, и «казенное имущество». В письме от 30 сентября 1913 года он настоятельно рекомендует Горькому обратиться к первоклассному и очень дорогому врачу в Швейцарии. «А то расхлябать зря казенное имущество, т. е. хворать и подрывать свою работоспособность — вещь недопустимая во всех отношениях».

Общение с Лениным, многочисленные товарищеские беседы и острые споры, а также переписка с ним являлась для Горького огромной школой усвоения новой революционной этики.

В свою очередь общение с Горьким было полезно и для Ленина. В своем друге — художнике он высоко ценил профессиональную цепкость взгля-

да на вещи, способность находить такие частности, детали, «мелочи», без которых невозможно постичь всю картину. А Ленин был лютым врагом всякого упрощенчества и стремился представить картину жизни во всей ее полноте, во всех противоречиях, без всяких радующих глаз «исправлений» к должному.

Шла гражданская война. В охваченном разрухой Петрограде Горький сталкивался с картинами, которые больно ударили его по сердцу. Разбывая деревянные дома на топливо, рабочие нередко ломали рамы, били стекла, портили кровельное железо. И это в то время, когда у многих из них текли крышки, а окна были забиты фанерой! Горького возмущала столь низкая оценка результатов своего же труда.

Об этом он с горечью сказал во время одной из встреч с Лениным. Молча Ленин расхаживал по веранде. И Горький подумал, что напрасно одолевает такими мелочами человека, увлеченного широчайшими планами.

Но Ленин сам вернулся к острой теме. «Напрасно думаете, что я не придаю значения мелочам, да и не мелочь это... Мы — бедные люди и должны понимать цену каждого полена и гроша».

А в знаменитой статье «Великий почин» Ленин писал о том, что забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов является необходимейшим, начальным условием строительства коммунизма.

Вершиной творчества Горького является роман «Жизнь Клима Самгина». В наиболее важном из образов большевиков в романе — Кутузове прежде всего бросается в глаза какое-то необоримо уверенное спокойствие поведения. Его основной служит глубочайшая убежденность в справедливости избранного пути. Интересен следующий обмен репликами между Кутузовым и Самгиным. Самгин сказал: «Революции мы не скоро дождемся». «А вы не ждите, вы попробуйте сделать, — посоветовал Кутузов, прихлебывая чай». Горький добывается удивительного синтеза, смело сопрягая самое возвышенное (революция) и буднично-бытовое. Кутузов — революционер по

убеждению. Для него революционность — не временное состояние, не следствие юношеского увлечения или экстазического порыва. Это — профессия.

Литературоведы заметили, что образ Кутузова рождался в атмосфере раздумий над образом Ленина. Меньше до сих пор внимания обращалось на то, что параллельно с романом «Жизнь Клима Самгина», в 20-е годы, Горький создает целую серию очерков о революционерах (Красине, Камо, Вилонове) и что в них во всех очень много общего с Кутузовым.

Леонид Красин говорит: «...По мысли Ленина необходимо создать кадр профессиональных революционеров... — так сказать — мастеров, инженеров, наконец — художников этого дела...» Революционер как чернорабочий, технолог, инженер... Целая наука революционности!

В 20-е годы, когда шла огромная работа по превращению отсталой крестьянской «Росии» в могущественную промышленную державу, очень важно было в художественных образах показать значение и привлекательность точного расчета, хозяйственности, деловитости. Без обретения этих качеств новыми командами производства страна не могла бы двигаться вперед.

Горький понимал, что практичность, рачительность, деловитость не должны привести к однолинейности, духовной обедненности человека. Не случайно он всегда интересовался оригинальными людьми, говорил, что «чужаки» украшают землю. Но идеалом для него все же был не «стихийный», а цивилизованный, социально организованный человек.

Мы ищем сегодня научные основы управления общественными процессами, мы хотим предельно облегчить труд человека при помощи наилучшего использования техники и научной организации труда, оптимальной упорядоченности нашего хозяйства... Стоит перечитать Горького «свежими и нынешними очами», и мы увидим удивительную его созвучность основному смыслу нашего социально-правового поиска. Горький жив не как почетный представитель героического прошлого. Он жив как активный участник сегодняшних исканий.

И. БАРАНОВ.
доцент Горьковского университета.